

К вопросу о «новой» бедности в России в 2000–2023 гг.

**Евгений Данилович
КОРМИШКИН**

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва
Саранск, Российская Федерация
e-mail: kormishkined@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7524-4072; ResearcherID: AAK-1819-2021

**Ирина Владимировна
МОИСЕЕВА**

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва
Саранск, Российская Федерация
e-mail: moira-22@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2034-5703; ResearcherID: AAV-5336-2021

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена признанием феномена «новой» бедности в качестве глубокой, постоянной и воспроизводимой проблемы российской реальности XXI века, которая сопровождается недоиспользованием накопленного человеческого капитала и усилением риска падения экономической ценности образования, что препятствует поступательному и устойчивому экономическому росту. Цель исследования состоит в конкретизации ключевых качественных признаков «новой» бедности и обосновании воспроизводства этого феномена в России в 2000–2023 гг., исходя из признания в качестве его фундаментального условия рентоориентированного поведения государства, сопровождаемого крайним социально-экономическим неравенством. Методология исследования базируется на системном подходе, на применении методики анализа с использованием линейного и разделительного методов по отношению к идентификации и анализу причин, сопутствующих факторов и следствия; метода

Для цитирования: Кормишкин Е.Д., Моисеева И.В. (2024). К вопросу о «новой» бедности в России в 2000–2023 гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 184–203. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.10

For citation: Kormishkin E.D., Moiseeva I.V. (2024). On the issue of “new” poverty in Russia in 2000–2023. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), 184–203. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.10

иерархической классификации переменных для кластеризации субъектов Российской Федерации с учетом распространения феномена абсолютной монетарной бедности. Определены фундаментальное условие, основные причины, детерминируемые крайним социально-экономическим неравенством, и сопутствующие им факторы, которые в своей совокупности объясняют воспроизводство «новой» бедности в России как крупной проблемы, требующей решения на политическом уровне. Установлены ключевые качественные признаки «новой» бедности в России, раскрывающие её природу в условиях рентоориентированного поведения государства. Среди них: социальная исключенность из использования ресурсов, разного рода благ и привилегий; распространение на занятых со средним и высшим профессиональным образованием, работающих в разных секторах экономики, нисходящая профессионально-квалификационная мобильность; расширение «теневой экономики выживания» и др. Проведена кластеризация субъектов Российской Федерации с учетом распространения абсолютной монетарной бедности в 2023 году. Предложен ряд базовых, основополагающих мер, направленных на преодоление бедности (с учетом ее «нового» качества) и малообеспеченности россиян.

Ключевые слова: «новая» бедность, граница бедности, медианный среднедушевой доход, рентоориентирование, социальное неравенство, нисходящая профессиональная мобильность, парадокс «занятые-бедные», политика преодоления бедности.

Введение

Актуальность и значимость исследуемой проблемы

Нынешний этап социально-экономического развития в разных странах мира в терминах лауреата Нобелевской премии по экономике Р. Кругман, характеризуется как «системный и стадиальный регресс», проявляющийся прежде всего в «поляризации», движущей силой которой выступает «неравенство в собственности, а не в зарплате» (Krugman, 2014, p. 6). Социально несправедливая экономическая система с ее имущественным неравенством и бедностью, сопровождаемой дискриминацией в получении образования и медицинского обслуживания, находится в разительном противоречии с базовыми принципами инклюзивного общества и устойчивого развития. Кроме того, такая экономическая система несовместима с известной конституционной нормой о России как социальном государстве, получившей отражение в статье 7 Конституции РФ, в соответствии с которой одна из главных его миссий направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (Ильин, 2017, с. 10).

На этом фоне бедность, как характеристика одного из уровней жизни в экономической и социальной сферах, означающая, по сути, невозможность нормального физического воспроизводства человека, его трудового и человеческого потенциалов (Бобков, Вершинина,

2022, с. 179), становится особой предметной областью для ответственных научных поисков и разработок. Значимость преодоления бедности во всех ее формах для достижения устойчивого развития получила официальное признание на глобальном уровне¹ и нашла отражение в координации международных усилий «по ликвидации бедности параллельно с мерами по наращиванию экономического роста и решению целого ряда вопросов в области образования, здравоохранения, социальной защиты и трудоустройства»².

Необходимо отметить, что в целом по миру за 1990–2023 гг. человечеством были достигнуты впечатляющие результаты в сокращении крайней бедности. Однако начиная с 2020 года эта поступательная тенденция была преломлена из-за, главным образом, последствий пандемии COVID-19; в 2020–2023 году по миру в целом наблюдался самый высокий рост уровня бедности в годовом выражении, что было документально зафиксировано в докладе Всемирного банка «Бедность и всеобщее благосостояние»

¹ Речь идет в первую очередь о таких концептуальных документах ООН, как «Цели развития тысячелетия (2000–2015 гг.)» и «Цели устойчивого развития на период 2016–2030 годы для всех стран мира».

² Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (2015). ООН. 45 с. URL: <https://sdgs.un.org/ru/2030agenda> (дата обращения 08.07.2024).

(Вашингтон, 2022). По данным Программы ООН (UNDP), в этот период, например, в странах с низким среднедушевым доходом численность бедных увеличилась на 165 млн человек; даже в США значение уровня бедности выросло с 7,8% в 2021 году до 11,5% в 2022 году.

В России, напротив, наблюдалось снижение доли населения, которая официально определяется как малоимущие. Согласно обновленным данным Росстата, в 2023 году за границей абсолютной монетарной бедности находились 8,5% россиян, или 12,4 млн человек (это исторически минимальное значение за весь постсоветский период) против 9,8% в 2022 году, 10,7% – в 2012 году. Вместе с тем под воздействием антироссийских санкций и периодических кризисных падений производства реальные располагаемые денежные доходы россиян оказались на 6,5% ниже уровня 2013 года (Клепач и др., 2022, с. 5), а уровень бедности не достиг определенного в Целях национального развития значения в 6,5%.

Примечательно, что в перспективе до 2030 года, согласно поручению Президента Российской Федерации по итогам его Послания Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г., Правительство РФ должно не просто обеспечить снижение уровня бедности населения до не менее 7%, а среди многодетных семей – более чем в 2 раза (до не более 12%), а пересмотреть подходы к определению бедности с тем, чтобы поднять стандарты жизни низкодоходных групп населения.

Бедность как социально-экономическое явление относительна; теоретические представления о ней конкретизируются и модернизируются с учетом генеральных тенденций и закономерностей эпохи и особенностей экономического развития конкретной страны в конкретный временной отрезок. Применительно к настоящему периоду, например, по мнению лауреатов Нобелевской премии по экономике (Banerjee, Duflo, 2012, p. 33), «бедность – это не просто отсутствие денег; это неспособность полностью реализовать свой человеческий потенциал». Директор Института социальной политики НИУ ВШЭ Л.Н. Овчарова подчеркивает: «Одна история – когда денег меньше, чем прожиточный минимум... другая история – когда для выживания ресур-

сов достаточно, но потребление существенно ниже, чем преобладающий в стране стандарт потребления»³.

В таком контексте мысль о том, что «бедность всегда с нами» (Стиглиц, 2015, с. 75), по сути, означает, что под влиянием определенных объективных условий и причин может изменяться представление о бедности, ее профиль. Так, в связи с нарастающим в последние десятилетия во всех странах мира социальным неравенством и «сопутствующей поляризацией» остро стоит проблема бедности среди трудоспособного населения, результатом чего стало появление особой социальной группы – «новых» бедных, которые характеризуются относительно высокими показателями профессиональных качеств и низким уровнем оплаты труда (Стиглиц, 2021, с. 69; Селиванова, Разумов, 2023).

Применительно к нынешней России, несомненно, вызывает беспокойство распространение этого феномена на семьи с детьми, на занятых производительным трудом и молодежь, то есть на тех, на кого общество возлагает миссию по воспроизводству населения, человеческого и трудового потенциалов страны. Иными словами, это означает, что в постсоветской России сформировался фактор самовоспроизводства бедности, обусловленный низким уровнем реальных доходов активно работающих граждан; сохраняется устойчивость «ловушки бедности», которая может стать мощным ограничителем трудовой мотивации и экономической активности населения, чревата ростом преступности и социальных потрясений (Кормишкина, Ермакова, 2021).

На фоне сказанного проблема бедности, включая ее новые качественные признаки и определение главных катализаторов «новой» бедности, является актуальной, требующей дальнейших теоретических исследований; она должна оставаться важнейшим приоритетом социально-экономической политики российского государства, несмотря на кризис, связанный с начавшейся в 2022 году блокадой экономики России со стороны Запада (Клепач и др., 2022, с. 5).

³ Бедность – угроза качеству экономического роста (материалы интервью с директором Института социальной политики НИУ ВШЭ Л. Овчаровой) // Эксперт. 15.07.2019. № 29. URL: <https://expert.ekiosk.pro/743949> (дата обращения 01.07.2024).

Современное состояние исследований по данной проблеме

Проблема бедности с конца XIX века является предметом активной научной дискуссии, в рамках которой в разные временные отрезки ключевое место занимают вопросы, связанные с определением и измерением исследуемого феномена. Поскольку бедность как социально-экономическое явление тесно коррелирует с уровнем экономического развития и особенностями конкретной страны, то теоретические представления о ней и формах ее проявления дифференцированы во времени и пространстве (Капустин, 2006, с. 12; Овчарова, 2009, с. 8; Ильин, Морев, 2022, с. 14).

В современной теории определения бедности можно выделить три конкурирующих между собой подхода, различающихся своей концептуальной основой: вэлферистский, депривационный, «функциональные возможности» А. Сена. В соответствии с вэлферистским подходом, базирующимся на идее максимизации благосостояния посредством максимизации факторов потребительской полезности, при анализе бедности ключевая роль отводится таким показателям, как доходы или потребительские расходы. Концептуальное предпочтение при этом отдается доходу, который рассматривается, например (Athkinson, Micklewright, 1992), как мера возможностей, открытых перед человеком, вести тот образ жизни, который ему подходит. Достаточная методологическая проработанность данного подхода позволяет ему и в наши дни оставаться доминирующим в рамках официальной системы определения и измерения бедности в разных странах мира, включая Россию.

В основе депривационного подхода лежит теория базовых потребностей, разработанная известным британским экономистом Р. Townsend (Townsend, 1979); исследование бедности строится на основе «лишений» в потреблении товаров или услуг, набор которых определяется в зависимости от социально-экономических условий и образа жизни страны или региона. Этот подход, в отличие от предыдущего, позволяет учитывать отдельные социальные факторы, связанные с качеством жизни (например, возможность проявлять и эффективно использовать в трудовом процессе свои умственные и

физические способности, социальная защита и социальная справедливость и т. д.), что расширяет теоретические представления о благосостоянии. Кроме того, Р. Townsend обратил внимание на то, что значительная концентрация «лишений» (признаков бедности) индивида (домашних хозяйств) наблюдается до уровня дохода 50–60% от медианного (Me) (Кормишкин, 2023, с. 221). Следует сказать, что определение бедности через «лишения» с конца 1990-х гг. широко применяется на практике в развитых странах; при этом сам метод продолжает развиваться.

Согласно теории благосостояния как «функциональных возможностей», разработанной лауреатом Нобелевской премии в области экономики А.К. Sen, оценка благосостояния должна основываться на личных потенциальных возможностях, которые «способствуют достижению наивысшей ценности – выбору образа жизни по собственному разумению» (Sen, 1982). При этом ученый позиционирует бедность как наиболее заметную форму неравенства, как результат лишения индивида базовых функциональных возможностей – от элементарных, необходимых для его физиологического выживания («возможность избежать достаточной смерти», «нормально питаться», «иметь доступ к чистой питьевой воде», «иметь крышу над головой»), до комплексных, связанных с действием или личностным состоянием («получить образование», «принимать участие в жизни сообщества», «испытывать самоуважение» и др.) (Sen, 1987). Необходимо отметить, что прикладная задача по определению и обоснованию такого списка функциональных возможностей на сегодняшний день не имеет убедительного решения.

Сравнение разнообразных трактовок исследуемой дефиниции в рамках обозначенных теоретических подходов к её определению и измерению позволяет констатировать переход к более высокому стандарту бедности, обеспечивающему индивиду не только физиологическое выживание, но и учитывающему его исключенность из принятых в данном обществе социокультурных нормативов, задающих требования к уровню и способу выполнения определенной деятельности (Овчарова и др., 2022). При таком понимании бедности сохраняется

настоятельная потребность в дальнейшем обсуждении вопросов, связанных с определением черты (границы) бедности как многокритериального социально-экономического явления. Здесь конкурируют три известные концепции бедности (абсолютная, относительная и субъективная); в то же время ряд экспертов⁴ в качестве научного мейнстрима XXI века указывают на необходимость комбинирования нескольких линий бедности (Бобков, Одинцова, 2020; Бобков и др., 2021; Бобков и др., 2022; Довготько и др., 2022; Овчарова и др., 2022). В связи с этим весьма принципиальным представляется аргументированное утверждение о том, что в странах, столкнувшихся со снижением уровня жизни, переход только на относительную монетарную черту бедности, которая на практике устанавливается, как правило, на уровне 40–60% от M_e , без увязки с измерением абсолютной бедности, базирующейся на сравнении дохода со стоимостью минимальной потребительской корзины, может опустить официальную черту бедности ниже уровня физиологического выживания (Овчарова, 2009, с. 32; Овчарова и др., 2022, с. 7). Именно такая «новация» была положена в основу изменения моделей расчета границы бедности в России в 2021 году (она была установлена на уровне в 44,2% от M_e и определялась как относительная монетарная бедность). Однако упомянутая методика определения границы бедности подверглась острой и конструктивной критике со стороны отдельных ведущих исследователей российской бедности, например В.Н. Бобкова⁵.

Развитие теоретических представлений о бедности как социально-экономическом явлении в последние десятилетия, помимо сказанного выше, находит отображение в оригинальных суждениях о «новой» бедности. Обозначенная дефиниция при этом применяется, как правило, в отношении людей, которые оказались в проигрыше в результате новых экономических условий (например, сокращение социальной роли государства; снижение уровня жизни под воздействием обострения экономи-

ческих и социальных проблем; рост продолжительности жизни) (Armstrong, 2017).

В таком контексте примечательна предметная постановка вопроса о взаимосвязи крайнего социально-экономического неравенства, функциональных возможностей индивида и экономического роста, выполненная известным французским экономистом Т. Piketty; лауреатами Нобелевской премии по экономике: Р. Krugman, Дж.Ю. Стиглицем, А.В. Banerjee, Е. Duflo. При этом в качестве новых трендов неравенства в XXI веке, тормозящих устойчивый экономический рост и детерминирующих сохранение глубокой и постоянной бедности, указываются так называемая проблема одного процента; «сопутствующая поляризация», когда в какой-то мере увеличивается спрос на очень высокую квалификацию, а остальной рост занятости приходится на низкоквалифицированную работу с соответствующим низким уровнем оплаты труда (Стиглиц, 2021, с. 163); сокращение роли государства в социальной поддержке. Крайнюю степень неравенства, когда «...социальные, экономические и политические последствия его вылезают на поверхность» (Стиглиц, 2016, с. 323), и которая наблюдается в разных странах мира, включая Россию, в XXI веке, ученые объясняют прежде всего рентоориентированием⁶ и фактическим переходом от общественно выгодной конкуренции (базируется на принципах свободного рынка) к общественно невыгодной, или позиционной (продукт преобладания властно-собственнических отношений) (Piketty, 2020, р. 327; Фишман и др., 2019, с. 29).

Кроме того, на фоне неолиберальных экономических реформ, реализуемых в России в 1990-е гг., специалистами Всемирного банка

⁴ Бедность – угроза качеству экономического роста (материалы интервью с директором Института социальной политики НИУ ВШЭ Л. Овчаровой) // Эксперт. 15.07.2019. № 29. URL: <https://expert.ekiosk.pro/743949> (дата обращения 01.07.2024).

⁵ Бобков В. (2021). Прожиточный минимум – темный лес // Аргументы и факты. № 11 (755). 24.03.2021. С. 3.

⁶ В новейшей экономической литературе под рентоориентированием в широком смысле понимаются все многочисленные методы, посредством которых текущие политические процессы помогают богатым еще больше обогащаться за счет остальных (например, через скрытые и открытые трансферты и субсидии правительства; получение государственного имущества (такого как нефть или полезные ископаемые) по ценам ниже рыночных; продажа правительству произведенной продукции по ценам выше рыночных (неконкурентное производство); вялое функционирование существующего законодательства в вопросах конкуренции и т. д.). Существует мнение, что рентоориентирование особенно распространено среди стран, богатых природными ресурсами (Стиглиц, 2015, с. 99–103; Стиглиц, 2016, с. 131–133).

был отмечен факт распространения «новой» бедности на российское общество, что прежде всего означало признание этого феномена в качестве одной из основных экономических и социальных проблем страны. При этом «новую» бедность в России 1990-х гг. они объясняли разрушением системы государственного распределения, основанного на принципе реального социализма «каждому – по труду», и последствиями трансформационного спада; в качестве ее главной черты было определено распространение бедности на работающих. «„Новые” бедные не могут преодолеть свою бедность с помощью доступной им работы», – подчеркивает эксперт Всемирного банка Д. Брейтуейт (Брейтуейт, 1998). В терминах Дж. Стиглица, «новая» бедность взаимосвязана с «сопутствующей поляризацией» (Стиглиц, 2021, с. 70).

Необходимо отметить, что в отечественной экономической науке проблема бедности в качестве особого предмета исследования обозначилась только в начале 1990-х гг. после серии неолиберальных рыночных реформ (в советской России имело место ее идеологическое отрицание), приняв формат академических дебатов вокруг изменений в составе (профиле) бедных и, соответственно, в природе российской бедности; определения факторов, формирующих бедность среди трудоспособного и работающего населения; объяснения влияния бедности на экономический рост. Новое качество бедности применительно к условиям рыночного развития экономики рассматривалось в работах ведущих отечественных исследователей (Ржаницына, 2001; Тихонова, 2003; Тихонова, 2018; Овчарова, 2009; Овчарова и др., 2022; Разумов, Ягодкина, 2007; Шевяков, Кирута, 2009; Ярошенко, 2010; Бобков, Одинцова, 2020; Бобков и др., 2022; Клепач и др., 2022 и др.). Более конкретно «новая» бедность в России позиционируется как постоянное, воспроизводимое социально-экономическое явление, как результат «не недостатка средств для удовлетворения распространенных стандартов жизни, принятых минимально необходимыми в конкретных социальных условиях в данной стране, а как результат множественного социального исключения» (Ярошенко, 2010, с. 229). Отличительная черта российской «новой» бедности, по мнению Н.Е. Тихоновой, предопределяется видом

экономической деятельности и, например, проявляется в появлении среди бедных «белых воротничков», работающих в бюджетной сфере (Тихонова, 2003, с. 88; Тихонова, 2018, с. 19). В.Н. Бобков и Е.В. Одинцова, предпринимая попытку конкретизировать количественные критерии феномена бедности, к «новым» бедным относят занятых в любом сегменте в составе экономически активного населения с низким уровнем и качеством жизни, не имеющих соответствующего стандарту (не ниже 4,1 ПМ) дохода от занятости, который обеспечивал бы устойчивое материальное положение домашних хозяйств с учетом иждивенческой нагрузки и выведения их на уровень денежных доходов не менее 3,2 ПМ (Бобков, Одинцова, 2020, с. 178).

Иными словами, в новейшей экономической литературе имеет место признание феномена «новой» бедности в качестве относительного и многозначного социально-экономического явления, зависящего от общественного стандарта уровня и качества жизни в конкретной стране в конкретный исторический период, а значит, предопределяемого неким объективным событием или явлением (фундаментальным условием), например рыночной трансформацией в России в 1990-х гг. (Брейтуейт, 1998); снижением уровня жизни в результате обострения экономических проблем в условиях рыночного развития страны (Бобков и др., 2022) и др. При этом изменение относительных представлений о бедности (ее «новизне») предполагает установление не только адекватных количественных критериев, но главным образом – ключевых качественных (поведенческих) признаков этого феномена, зависящих от контекста.

Сложность, дискуссионность и недостаточная проработанность указанных аспектов проблемы бедности предопределили предметную постановку данного исследования – «новая» бедность в условиях рентоориентированного поведения российского государства.

Цель исследования состоит в конкретизации ключевых качественных признаков «новой» бедности и обосновании воспроизводства этого феномена в России в 2000–2023 гг., исходя из признания в качестве его фундаментального условия рентоориентированного поведения государства, сопровождаемого крайним

социально-экономическим неравенством. В связи с этим поставлены следующие основные задачи:

— определить основные причины и сопутствующие им факторы «новой» бедности, детерминируемые крайним социально-экономическим неравенством и позволяющие в своей совокупности объяснять механизм воспроизводства данного феномена в России в обозначенном временном периоде;

— установить ключевые качественные (поведенческие) признаки российской «новой» бедности, отражающие изменение её природы в условиях крайнего социально-экономического неравенства;

— сформировать минимально необходимый инструментарий государственной политики по содействию преодолению «новой» бедности в современной России.

Методы исследования

Методология исследования в целом базируется на содержательном системном подходе, представляющем особую теорию познания сложносоставных объектов, которая способствует выработке средств решения комплексных проблем. В рамках этого подхода наряду с методами индуктивного и дедуктивного анализа был задействован инструментарий исторического и сравнительного анализа.

В исследовании были использованы, помимо прочего, следующие специальные методы и приемы:

1. Методика анализа основных причин, базирующаяся на линейном и разделительном подходах к анализу причин и следствия посредством постановки многочисленных вопросов (почему?) как эффективного способа идентификации одного или нескольких условий, ведущих к «ошибкам». В данной методике под причиной понимается условие, создающее следствие; устранение причины устраняет следствие. Сопутствующий фактор — это условие, оказывающее влияние на следствие посредством увеличения его ускорения во времени; на тяжесть последствий. Применение обозначенной методики делает возможной разработку ряда корректирующих действий для предотвращения «ошибок» в будущем.

2. Формирование баз данных, необходимых для отображения экономического потенциала, уровня и качества жизни населения, неравенства и бедности в России за 2000–2023 гг.;

информационной базой при этом послужили данные Росстата, Всемирного банка и др.

3. Интеллектуальный анализ данных с инструментальной поддержкой Microsoft Excel, ППП Statistica, Matlab, включающий кластеризацию субъектов Российской Федерации с учетом распространения феномена абсолютной монетарной бедности в 2023 году по заданным критериям с последующим анализом. Кластеризация обеспечивает не только визуализацию негативной тенденции усиливающегося регионального неравенства по уровню бедности в России; оценка полученных сегментов (кластерный анализ) дает возможность протестировать гипотезу о распространении «новой» бедности в субъектах Федерации, обусловленном, помимо прочего, сохранением высокого регионального неравенства по душевым доходам.

В рамках кластерного анализа был использован метод k -средних для предварительного разбиения на группы анализируемого набора данных, чтобы, с предварительной стандартизацией переменных, определить количество кластеров (в нашем случае $k = 3$) и рассчитать средние значения точек (показателей, которые становятся новыми центрами кластеров), принадлежащих к определённому кластеру.

Результаты и их обсуждение

Основные причины и сопутствующие факторы устойчивого воспроизводства и качественных изменений феномена «новой» бедности в России в 2000–2023 гг., предопределяемые рентоориентированным поведением государства

Проведенное в рамках заявленной тематики расширенное монографическое обследование и анализ некоторых фактологических данных послужили основанием для утверждения о том, что по своей природе «новая» бедность в России в 2000–2023 гг.⁷ — это признанная обществом глубокая, постоянная, воспроизводимая проблема, в которой тесно переплетены различные (экономические, социальные, поведенческие, психологические) аспекты. Примечательно, что применительно к российским

⁷ 2000–2023 гг. для России — это крайне противоречивый период, когда меры по восстановлению и/или улучшению благосостояния населения осуществлялись на фоне экономического роста 2000–2007 гг., проявлений глобального кризиса 2008–2009 гг., автономной рецессии 2010–2013 гг., санкционного кризиса и последствий «великого карантина из-за пандемии COVID-19».

экономическим реалиям обозначенная дефиниция акцентирует внимание на том, что сегодня труд и мотивация к нему все реже обеспечивают высвобождение из «ловушки бедности», поддерживая массовый феномен работающих бедных; «все чаще на доходы... влияет возможность получать сословно-статусную ренту⁸ в виде надбавки к труду, которая не зависит от производительности труда, но диктуется сословной принадлежностью, территориальным расположением и отраслевой организацией работодателя» (Фишман и др., 2019, с. 203).

При этом фундаментальным условием воспроизводства глубокой и постоянной «новой» бедности в России образца 2000–2023 гг. является утвердившаяся экспортно-сырьевая модель национальной экономики, которую отличает высокая зависимость последней от освоения природных ресурсов при крайне низком уровне вклада в нее социального и человеческого капитала (Kormishkina et al., 2020). В условиях рентоориентированного государства при слабости политических и общественных институтов создается «самораскручивающаяся рентная спираль», когда политико-административные элиты заинтересованы в разрастании доли ренты на свое обслуживание больше, чем в развитии рынка массового труда и в социальных импакт-инвестициях; в общем тренде по переводу бюджетников, «политически менее ценных», в более низкую по стандарту категорию наемных работников, лишаящую их части ренты и привилегий, которыми они пользовались ранее (Спенс, 2013, с. 154; Фишман и др., 2019, с. 205; Стиглиц, 2021, с. 235–236). В конечном итоге рентоориентированное поведение российского государства обуславливает крайнее социально-экономическое неравенство, которое в нынешней России становится главным катализатором «новой» бедности.

В рамках нашего исследования была предпринята попытка систематизировать основные причины и сопутствующие им факторы воспроизводства и конкретизировать качественные изменения этого феномена в России в 2000–

⁸ В новейшей экономической литературе под рентой понимаются материальные и иные блага, привилегии, которые получают индивиды, социальные группы и даже отдельные общества вследствие занятия выгодной позиции в социально-политической структуре (см.: например, Стиглиц, 2016, с. 131).

2023 гг. К таковым, по нашему мнению, относятся следующие.

1. *Сохраняющаяся поляризация общественного производства на конкурирующие между собой (за ресурсы и условия хозяйствования) экспортно-сырьевой (в основном энергосырьевой) и традиционный, обслуживающий национальный рынок, сектора, которая в условиях периферийной рыночной экономики закрепляет, помимо прочего, институциональную ловушку «системы низких заработных плат».*

Такая диспропорция, сложившаяся в России под влиянием экспортно-сырьевой (рентной) модели национальной экономики, прежде всего опасна разрушением ключевого баланса в виде соответствия между отраслевой структурой экономического потенциала (основных фондов и трудовых ресурсов), валового дохода и инвестиций в основной капитал, только в рамках которого она может воспроизводиться как единое целое. В связи с этим считаем принципиальным отметить, что в России в первые десятилетия XXI века оформилась структура экономики, при которой обрабатывающие производства, создающие высокую добавленную стоимость и наукоемкие по своей сути, занимали периферийное положение вследствие преобладания в обществе отношений рентоискательства над отношениями, складывающимися на рынке труда. Справедливость такого утверждения подтверждают рассчитанные и приведенные ниже фактологические данные⁹.

Сырьевой сектор экономики РФ, располагая относительно небольшим производственным потенциалом (в 2022 г. – 2,2% от всех занятых, 8,8% основных фондов), обеспечивал 14,1% произведенного ВВП РФ, 15,2% инвестиций, 40% налоговых доходов. При сложившихся ценовых соотношениях на одного занятого в сырьевом комплексе приходится валового дохода в 3,4 раза больше, чем в традиционном, а среднемесячная начисленная заработная плата в 1,8 раза превышает среднюю заработную плату по экономике

⁹ Данные рассчитаны по: Российский статистический ежегодник. 2008. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b08_13/Main.htm; Российский статистический ежегодник. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 708 с. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_13/Main.htm; Российский статистический ежегодник. 2023: стат. сб. / Росстат. М., 2023. 701 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegovodnik_2023.pdf

в целом и почти в два раза — в сравнении с обрабатывающими производствами.

В секторе обрабатывающих производств в РФ в 2022 году были заняты 14% от общей численности рабочей силы (для сравнения: в 2007 г. — 16,9, в 2010 г. — 14,9, в 2018 г. — 14,1%); сосредоточено 6,9% от всех видов основных фондов и 13,4% производственных инвестиций; средняя номинальная начисленная заработная плата работников здесь составила 60,4 тыс. рублей и не достигала уровня средней заработной платы по экономике (65,3 тыс. рублей).

В условиях санкционного кризиса и утраты обрабатывающими производствами своих прежних позиций в общественном производстве проявляются антиустойчивые тенденции (сопутствующие факторы поляризации общественного производства), создающие барьеры для роста совокупной факторной производительности (или TFP) и продуцирующие на этой основе низкооплачиваемую занятость. Речь идет о таких негативных тенденциях, как усиление хредного эффекта (обновление фондов и технологий производства в основном за счет импорта); износ основных фондов, оцениваемый в критериях экономической безопасности как «близкий к нестабильному» [справочно: степень износа основных фондов в РФ на конец учетного периода в 2021–2022 гг. составляла 40,5% против 39% в 2020 г.]; низкий спрос на результаты НИР со стороны производства, отражаемый в показателе «соотношение затрат на технологические инновации и затрат на исследования и разработки» [справочно: согласно данным Росстата, за 2000–2022 гг. значение данного индикатора, отображающего, помимо прочего, возможность создания в экономике высокотехнологичных рабочих мест, ни разу не достигало рекомендуемого в теории экономической безопасности порогового значения, равного 2,0 (Инновационное преобразование..., 2013, с. 313); его максимальное значение было отмечено в 2020 году (1,9); в 2021 году оно вновь снизилось и составило 1,83, в 2022 г. — 1,85; наименьшие значения показателя отмечались в 2005 (0,54), 2007 (0,56), 2008 (0,64) годах на фоне роста ВВП]¹⁰.

¹⁰ Показатель рассчитан на основании данных Федеральной службы государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>).

Тенденция к рентному политическому порядку, сопровождаемая в современной России обозначенной структурной несбалансированностью общественного производства, в конечном счете не только препятствует преодолению институциональной ловушки «системы низких заработных плат», унаследованной еще от советского периода, но и вытесняет рыночные обмены в разрастающуюся «теневую экономику выживания»¹¹. Обозначенную тенденцию можно проследить, исходя из данных, приведенных в *таблице 1*. Они свидетельствуют о значительном росте в России в 2018–2021 гг. не занятых в экономике (неработающих) среди малоимущего и крайне бедного населения, доля которых по отношению к численности обследованного Росстатом населения составляла 76,2% в 2021 году против 62,8% в 2018 году, а без учета неработающих пенсионеров соответственно 63,8 и 49,8%.

Новейшая экономическая теория, подтвержденная рядом экспериментальных исследований, акцентирует внимание на том, что «снижение продуктивности низкооплачиваемых работников гораздо выше, чем увеличение продуктивности их высокооплачиваемых коллег, а посему общая производительность все-таки снижается» (Vanerjee, Duflo, 2019, p. 282).

Отсюда можно сделать вывод: преодоление ловушки «системы низких заработных плат» в нынешней России проблематично без активной промышленной политики, направленной на помощь в обеспечении структурных сдвигов в экономике с учетом будущих потребностей, на создание высокотехнологичных рабочих мест, обеспечивающих рост стоимости рабочей силы, связанной с повышением ее качества.

2. Растущая концентрация доходов и богатства в рамках верхнего дециля населения, сопровождаемая «сопутствующей поляризацией».

Одним из главных трендов социально-экономического развития в XXI веке, в разных странах мира, включая Россию, обусловленных рентоориентированием, является крайне

¹¹ В книге (Фишман и др., 2019, с. 200) «теневая экономика выживания» позиционируется как часть экономики (в виде разных форм самозанятости и индивидуального выживания, бартера, натурального хозяйства и др.), которая в отличие от «серой» (полулегальной) или «черной» (криминальной) является честной, но не приспособленной к тем дополнительным формальным и неформальным расходам, которые влечет ее выход в свет.

Таблица 1. Распределение общей численности бедного населения Российской Федерации по отношению к его экономической активности*, %

Показатель	Малоимущее население						Крайне бедное население						Все обследованное население, 2021 г.
	2000	2008	2018	2019	2020	2021	2000	2008	2018	2019	2020	2021	
Занятые в экономике (работающие)	-	59,7	31,0	28,9	27,3	26,2	-	54,3	21,0	19,1	17,0	14,9	53,0
из них работающие пенсионеры	-	4,2	0,8	0,7	0,4	0,4	-	2,6	0,2	0,2	-	0,1	8,1
Незанятые в экономике (неработающие)	-	38,6	29,2	30,1	33,1	33,6	-	42,6	33,8	33,4	42,7	42,6	28,1
в том числе:													
неработающие пенсионеры	-	14,3	8,2	8,5	7,2	7,6	-	11,4	5,0	4,4	3,7	4,7	19,1
иные категории незанятого населения	-	-	21,0	21,6	25,9	25,9	-	-	28,8	29,0	39,0	37,9	9,0

* Данные публикуются без учета итогов ВПН-2020.

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2023: стат. сб. / Росстат. М., 2023. С. 111–112; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2008. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b08_44/Main.htm

высокая концентрация доходов и богатства в верхнем дециле (10% наиболее состоятельного населения). В контексте концепции «фундаментального закона» Т. Piketty суть этого феномена заключается в неравенстве $r > g$, где r – уровень доходности капитала (в виде прибыли, дивидендов, процентов, арендной платы и других видов доходов) в процентном отношении к своей стоимости, а g – ежегодное увеличение доходов и производства (Piketty, 2014, р. 44). Это означает, что «накопленный капитал воспроизводит себя сам быстрее, чем увеличивается производство» (Piketty, 2014, р. 585).

Крайне высокая концентрация доходов и богатства в верхнем дециле населения ведет к опасным последствиям, среди которых в контексте заявленной тематики, на наш взгляд, следует особо выделить следующие: достижение

благополучия не через производство ценностей, а посредством рентоискательства в экономическом поведении; возрастающее значение наследства в формировании социального статуса; усиливающаяся поляризация общества (на богатых и бедных) на фоне «непростой ситуации с наличием достойных вакансий на рынке труда и ... потери своих позиций представителями среднего класса» (Стиглиц, 2015, с. 67).

Растущая концентрация доходов и богатства в верхнем дециле населения России была подтверждена результатами специального исследования «From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905–2016», проведенного F. Novokmet, T. Piketty и G. Zucman (Novokmet et al., 2017). Полученные этими авторами и дополненные впоследствии оценки отражены в *таблице 2*.

Таблица 2. Рост дохода и неравенства в России (1989–2023 гг.), %

Доходная группа (распределение доналогового национального дохода на 1 взрослого)	Доля национального дохода		Средний годовой темп роста		Совокупный реальный рост	
	2016 г.*	2022 г.**	1989–2016*	2016–2023**	1989–2016*	2016–2023**
Все население	100,0	100	1,3	1,1	41	н.д.
в т. ч.						
50% с наименьшими доходами	17,0	15,7	-0,89	-1,2	-20	н.д.
40 % со средними доходами	37,5	33,5	0,5	н.д.	15	н.д.
10 % с наиболее высокими доходами	45,5	50,8	3,8	1,7	171	н.д.
включая 1 % с наиболее высокими доходами	20,2	23,8	6,4	2,9	429	н.д.

Составлено по: *(Novokmet et al., 2017, р. 78);

** WorldINEQUALITYDATABASEBETA / Income inequality, Russian Federation, 1905–2021: URL: <https://wid.world/country/russian-federation/>

Показательно, что под воздействием «великого карантина» (2020 г.) и международных санкций против российской экономики (начиная с 2014 г. по настоящее время), судя по данным таблицы 2, в верхнем дециле населения наблюдалось заметное снижение среднегодового темпа роста дохода (так называемый эффект «отрицательных и положительных сил, снижающих неравенство», сформулированный одним из ведущих специалистов по неравенству в мире Б. Миланович (Миланович, 2017, с. 84–86); при этом динамика показателя у 50% россиян с наименьшими доходами была отрицательной).

На этом фоне в России в 2000–2023 гг. официальная статистика фиксировала превышение фактического уровня бедности по отношению к пороговому значению экономической безопасности для данного индикатора («не более 7 %» исходя из мирового опыта (Инновационное преобразование..., 2013, с. 322)), а также к установленному в целях национального развития значению в 6,5%.

Согласно обновленным данным Росстата, в 2023 году за границей абсолютной монетарной бедности, в соответствии с правилами определения границ бедности в целом по РФ и по субъектам РФ, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 26.11.2021 № 2049 (ред. от 16.12.2023), находились 8,5% населения [для справки: численность населения с денежными доходами ниже границы бедности / величины ПМ составляла в 2000 г. 29%, 2007 г. – 13,4%, 2010 г. – 12,5%, 2015 – 13,3%, 2020 г. – 12,1%, 2021 г. – 11,0%, 2022 г. – 9,8%]¹². Исторически минимальное значение показателя за весь постсоветский период Росстатом объясняется ро-

¹² Российский статистический ежегодник – 2008 г. (Уровень жизни населения / Социально-экономическая дифференциация населения по доходам / Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода). URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b08_13/Main.htm; Российский статистический ежегодник – 2016 г. (Уровень жизни населения / Социально-экономическая дифференциация населения по доходам / Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода). URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b16_13/Main.htm; Российский статистический ежегодник. 2023: стат. сб. / Росстат (раздел 6. Уровень жизни населения, с. 171). М., 2023. 701 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegovodnik_2023.pdf

стом ВВП; рекордно низким уровнем безработицы; ситуационным ростом доходов граждан, вызванным повышенными выплатами военным и сотрудникам оборонных предприятий; ростом заработных предложений в результате сформировавшегося на рынке труда «рынка соискателя»; увеличением доходов от предпринимательской деятельности; выросшими выплатами семьям с детьми из средств бюджета и др.

Оценка масштабов бедности в России в 2021–2023 гг. существенно меняется при использовании международного подхода (методика ОЭСР) к определению этого феномена, при котором граница относительной монетарной бедности устанавливается на уровне 50–60% от Me. В соответствии с таким подходом уровень бедности в нашей стране в 2023 году составлял 17,8% от общей численности населения.

Принципиально заметить, что «новую» бедность в России в 2000–2023 гг. отличают некоторые качественные (поведенческие) признаки. В условиях доминирующего рентно-сословного характера российского общества и порождаемых им рентно-властных общественных отношений «новизна» этого феномена состоит прежде всего в изменении его природы: из временного феномена жизненного цикла домохозяйства бедность трансформируется в глубокую и постоянную социально-экономическую проблему; ее главными детерминантами выступают «не предписанные (социально-демографические), а достигнутые характеристики, например образование» (Ярошенко, 2010, с. 224). Именно уровень образования должен определять положение индивида на рынке труда (к примеру, риск безработицы, величину заработной платы («премии») за различные уровни образования, профессиональную мобильность), а также статусную позицию в обществе, глубину бедности. Отсюда следует вывод: невозможность повышения уровня образования и квалификации усиливает вероятность бедности (Стиглиц, 2021, с. 241).

В целом, опираясь на проведенное нами развернутое монографическое обследование профильной литературы, «новизну» бедности применительно к сегодняшним российским реалиям можно определить исходя из способа получения доходов, характера экономической деятельности, устойчивости этого феномена,

образования индивидуумов. «Новая» бедность представляется социально-экономической проблемой, означающей не столько недостаток денежных средств у занятых в любом сегменте в составе экономически активного населения для удовлетворения распространенных стандартов уровня и качества жизни, принятых в данной стране в конкретных экономических условиях как минимально допустимые, сколько признание социальной исключенности из использования ресурсов, разного рода благ и привилегий.

Принципиально сказать, что в России в 2000–2023 гг. вследствие сырьевой зависимости экономического развития, сопровождаемого низкой инвестиционно-инновационной активностью, деиндустриализацией и низкими темпами совокупной факторной производительности, сформировался дисбаланс между спросом и предложением квалифицированного (работники со средним и высшим профессиональным образованием) труда¹³. Иными словами, такая экономика не может генерировать достаточное количество рабочих мест с оплатой труда, достойной представителей среднего класса, способных поглотить огромную массу работников с высоким формальным образованием. Отсюда наблюдается нисходящая профессионально-квалификационная мобильность, когда работники перемещаются на худшие рабочие места (с низкой оплатой труда), не соответствующие полученной ими высокой формальной подготовке, чтобы избежать безработицы, а также антиустойчивая тенденция сохранения низких реальных заработков у занятых производительным трудом, включая не только молодежь, но и предпенсионеров, работающих пенсионеров, родителей из многодетных семей с сокращенной занятостью, самозанятых, а также занятых в бюджетной сфере [справочно: в отечественной экономике в 2016 году не менее трети всех работников со средним и высшим профессиональным образованием были заняты на рабочих местах, не требующих высокой квалификации (Капелюшников, 2016, с. 508)]. Обозначенная ситуация опасна

для страны недоиспользованием накопленного человеческого капитала, а значит, ограничивает возможности для поступательного и устойчивого роста экономики. Отрадно, что эскалация предложения рабочей силы с высокой формальной подготовкой пока еще не привела к сколько-нибудь заметному падению экономической ценности высшего образования, но повышает требования к качеству подготовки обучающихся. Показательно, что под влиянием известной институционально-организационной (отчасти технологической) перестройки российской экономики и сформировавшегося в последние два года «рынка соискателя» спрос на высококвалифицированную рабочую силу стал расти быстрее ее предложения, что содействует увеличению количества рабочих мест с достаточной оплатой труда при условии создания благоприятного делового климата.

Учитывая, что «новые» бедные, с точки зрения их финансового поведения, тяготеют к среднему классу (Клепач и др., 2022, с. 12), а среди основных характеристик уровня их материального обеспечения прочную позицию занимают заемные средства, привлеченные в кредитных организациях, возрастает актуальность вопроса о высокой закредитованности и растущей долговой нагрузке экономически активного населения в РФ. Так, по данным Банка России, на 1 марта 2024 года на каждого экономически активного россиянина приходилось примерно по 440 тыс. рублей ссудной задолженности¹⁴.

Вместе с тем сравнение отношения долговой нагрузки экономически активного населения в сегодняшней России к объему ВВП свидетельствует, что в нашей стране этот показатель составляет 21% против, к примеру, 62% в США¹⁵. Это означает, что проблема состоит не в общем объеме взятых кредитов, а в просроченной задолженности и полных невозвратах. В связи с этим показательны суждения экономиста S. Mullainathan и психолога E. Shafir (Mullainathan, Shafir, 2011), экспери-

¹³ В терминах Международной стандартной классификации образования под третичным образованием понимается образование типа А (российский эквивалент – высшее образование) и типа В (российский эквивалент – среднее профессиональное образование).

¹⁴ Белянчикова Т. (2024). В нашем долгу прибыло. Сколько назанимали россияне, и какой показатель долговой нагрузки считается нормальным // Аргументы и факты. № 19. С. 10. URL: <https://aif.ru/money/mymoney/v-nashem-dolgu-pribylo-skolko-nazanimali-rossiyane>

¹⁵ Там же.

ментально доказавших, что жизнь в нужде часто предполагает выбор, который может привести к еще большей нужде: «Бедные вынуждены заимствовать больше, вследствие чего они остаются бедными».

Обобщая вышеизложенное, заметим, что растущая в России концентрация доходов и богатства в верхнем дециле населения, сопровождаемая «сопутствующей поляризацией», обуславливает потребность в «хорошо продуманной активной политике на рынке труда и в промышленности, которая может обеспечить создание рабочих мест ... и переключение людей со старой работы на новую» (Стиглиц, 2021, с. 242). При этом важной частью динамичного и справедливого общества должна быть прогрессивная и эффективная налоговая система.

3. Высокое региональное экономическое неравенство, которое при слабости институциональной среды воспроизводит неравномерное распределение феномена бедности (с учетом его качественных изменений) по субъектам Федерации.

Сам феномен российского регионального экономического неравенства исследователи, как правило, связывают с агломерационным эффектом крупных городов, усиливающимся за счет имеющихся здесь институциональных преимуществ; с особо конкурентным преимуществом в виде востребованных мировым рынком (даже в условиях международных антироссийских экономических санкций) углеводородов (нефть, газ) или продуктов первичной обработки, предопределяемым экспортно-сырьевой моделью национальной экономики. Очевидно, что наличие этих факторов расширяет возможности территорий в повышении благосостояния населения и социальной поддержки нуждающихся граждан (Кормишкин и др., 2023).

Для визуализации регионального неравенства с учетом распространения феномена абсолютной монетарной бедности в Российской Федерации в 2023 году была осуществлена кластеризация субъектов по трем показателям: доля населения с денежными доходами ниже границы бедности / величины ПМ, % от общей численности населения (X1); величина прожиточного минимума на душу трудоспособного населения, руб. в месяц (X2); минимальный размер оплаты труда (МРОТ), руб. (X3). При

этом показатели X2 и X3 в общем виде отображают преобладающий в стране минимальный стандарт жизни населения, а соотношение X3 и X2 — возможности региона для снижения крайнего уровня абсолютной бедности среди занятых. Результаты проведенной кластеризации представлены в *таблице 3*.

Считаем принципиальным заметить, что «новая» бедность вносит заметный вклад в общий уровень бедности в субъектах РФ / стран; следовательно, с некоторым допущением кластеризация субъектов РФ по общему уровню бедности отражает значительное влияние «новой» бедности.

Не производя детальный анализ и оценку ситуации в каждом из трех сформированных кластеров, считаем необходимым отметить следующее: в 2023 году только в кластере I, объединившем 11 субъектов Федерации, уровень абсолютной монетарной бедности (7,38%), рассчитанный в соответствии с принятой в России в 2021 году (Постановление Правительства РФ от 26.11.2021 № 2049) методологией, был ниже среднероссийского значения этого показателя (8,5%), что объясняется более высокими среднедушевыми доходами населения и уровнем жизни вследствие упомянутых выше особых конкурентных преимуществ, а также действием северных и районных коэффициентов в регионах с особыми климатическими условиями.

В результате проведенной кластеризации обнаружен, по нашему мнению, интересный факт: в субъектах РФ, в которых титульные народы составляют большую часть населения (например, Республика Ингушетия, Республика Тыва), доля бедного населения превышает 20%.

Кроме того, доля бедного населения заметно возрастает даже в регионах кластера I при использовании международного стандарта оценки относительной монетарной бедности (доход ниже 50% Me), что указывает на значительный слой малообеспеченного населения, не охваченного мерами социальной поддержки. Например, в Ямало-Ненецком АО уровень бедности возрастает с 3,6% (самая низкая оценка показателя в РФ в соответствии с действующей в стране методикой оценки исследуемого феномена) до 21,4%; в Москве, соответственно, 4,5 и 19%; в Сахалинской области — 6,1 и 18,2%; Магаданской области — 6,6 и 18,2% и т. д.

Таблица 3. Кластеризация субъектов Российской Федерации с учетом распространения феномена абсолютной монетарной бедности в 2023 г.

Номер кластера	Состав кластера	Средние значения показателей		
		X1	X2	X3
I (11 субъектов)	г. Москва, Ненецкий авт. округ, Мурманская обл., Ханты-Мансийский авт. округ – Югра, Ямало-Ненецкий авт. округ, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Хабаровский край, Магаданская обл., Сахалинская обл., Чукотский авт. округ	7,38	17034	25901
II (55 субъектов)	Белгородская обл., Брянская обл., Владимирская обл., Воронежская обл., Ивановская обл., Калужская обл., Костромская обл., Курская обл., Липецкая обл., Московская обл., Орловская обл., Рязанская обл., Смоленская обл., Тамбовская обл., Тверская обл., Тульская обл., Ярославская обл., Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская обл. без авт. округа, Вологодская обл., Калининградская обл., Ленинградская обл., Новгородская обл., Псковская обл., г. Санкт-Петербург, Республика Адыгея, Краснодарский край, Астраханская обл., Волгоградская обл., Ростовская обл., г. Севастополь, Республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Пермский край, Кировская обл., Нижегородская обл., Оренбургская обл., Пензенская обл., Самарская обл., Саратовская обл., Ульяновская обл., Свердловская обл., Тюменская обл. (без авт. округов), Челябинская обл., Алтайский край, Кемеровская обл., Новосибирская обл., Омская обл., Томская обл., Приморский край, Амурская обл.	9,48	17283	15056
III (19 субъектов)	Республика Калмыкия, Республика Крым, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика, Республика Марий Эл, Республика Мордовия , Чувашская Республика, Курганская область, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия, Красноярский край, Иркутская область, Республика Бурятия, Забайкальский край, Еврейская автономная обл.	16,45	16370	15667
Источник: МРОТ представлен на основании справочной информации «КонсультантПлюс» «Размеры минимальной заработной платы в субъектах Российской Федерации (по состоянию на 01.09.2023)». По ряду субъектов МРОТ указан в размере 16242 руб., увеличенному на районный коэффициент и процентную надбавку за стаж работы в районах с особыми климатическими условиями, в том числе в районах Крайнего Севера, Дальнего Востока и приравненных к ним местностях или за стаж работы в субъекте (Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Республика Тыва, Республика Хакасия, Забайкальский край, Камчатский край, Приморский край, Магаданская область, Ямало-Ненецкий автономный округ).				

Показательна и ситуация со ссудной задолженностью и долговой нагрузкой, приходящими на каждого экономически активного гражданина в разрезе субъектов РФ. Так, при среднем общероссийском значении этого индикатора, составившем на 1 марта 2024 года 440 тыс. рублей, отмечалось его превышение даже в регионах, вошедших в кластер I. Например, в Ямало-Ненецком АО этот показатель достиг 836 тыс. рублей, в Ханты-Мансийском АО – Югра – 734 тыс. рублей, в Магаданской области – 650 тыс. рублей¹⁶.

Однако самая высокая ссудная задолженность и долговая нагрузка на экономически ак-

¹⁶ Белянчикова Т. (2024). В нашем долгу прибыло. Сколько назанимали россияне, и какой показатель долговой нагрузки считается нормальным // Аргументы и факты. № 19. С. 10. URL: <https://aif.ru/money/mymoney/v-nashem-dolgu-pribylo-skolko-nazanimali-rossiyane> (дата обращения 29.06.2024).

тивного гражданина (925 тыс. рублей) на 1 марта 2024 года отмечались в Республике Тыва¹⁷, где доля титульного населения составляет 77 % от общей численности населения республики [Тыва включена в кластер III, объединивший 19 субъектов с самыми низкими показателями уровня жизни, в котором доля населения с доходами ниже границы бедности / величины ПМ достигла в 2023 году 23,5% от общей численности населения региона]. В то же время в Республике Ингушетия (доля титульного населения в общей численности населения здесь достигает 94,1%), где уровень абсолютной монетарной бедности в 2023 году составлял 27,7%, отмечается самая низкая ссудная задолженность и долговая нагрузка в расчете на одного экономически активного гражданина (58 тыс. рублей)¹⁸.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

Обнаруженные в рамках кластерного анализа такие интересные факты, касающиеся финансового поведения экономически активного населения в разных субъектах Федерации, по нашему мнению, должны стать особым направлением при исследовании «новизны» бедности в современной России.

Кроме того, проведенная кластеризация субъектов Российской Федерации с учетом распространения абсолютной монетарной бедности в 2023 году подтверждает необходимость сохранять в качестве приоритета государственной социально-экономической политики России повышение благосостояния населения и преодоление бедности (с учетом качественных изменений).

Политика преодоления «новой» бедности

В процессе проведенного исследования было установлено, что в условиях рентоориентированного поведения российского государства в 2000–2023 гг. главным катализатором «новой» бедности являются высокое социально-экономическое неравенство и сопутствующие ему факторы. В таком контексте политика преодоления исследуемого феномена предполагает реализацию ряда базовых, основополагающих мер, среди которых, по нашему мнению, можно назвать следующие.

1. Активная промышленная политика государства, которая в сложившихся экономических условиях, по сути, означает форсированную неоиндустриальную (цифровую, наукоемкую, инновационную) модернизацию российской экономики на основе построения и приоритетного развития высокотехнологического комплекса в качестве ядра последней и основного источника воспроизводства с учетом будущих потребностей, системных технико-технологических ресурсов, способных обеспечить рост совокупной факторной производительности. Такая политика расширяет возможности экономики генерировать достаточное количество высокотехнологичных и высокооплачиваемых рабочих мест, в том числе за счет новых инновационных производств; она должна сочетаться с активной политикой на рынке труда, предполагающей оказание людям помощи при переподготовке и в поиске нового рабочего места.

Вместе с тем необходимо признать, что новые инновационные технологии (в первую очередь в сфере искусственного интеллекта и роботизации) могут создать дополнительные проблемы. С одной стороны, некоторые достижения в данной сфере (например, системы интеллектуальной поддержки) стимулируют повышение уровня образования и улучшение профессиональной подготовки работников, а значит, обеспечивают рост производительности и оплаты труда. С другой стороны, инновационные технологии при непродуманном управлении могут вызвать сопутствующую поляризацию на рынке труда и сопровождаться снижением уровня оплаты труда, особенно низкоквалифицированного; не исключено также сокращение рабочих мест, которое может стимулировать безработицу.

На этом фоне вопрос о внедрении искусственного интеллекта, на наш взгляд, приобретает статус политической проблемы, в решении которой существенную роль должно играть правительство.

2. Прогрессивное справедливое налогообложение как инструмент, ориентированный на снижение крайне высокой концентрации доходов и богатства в верхнем дециле населения и сопутствующей поляризации. Известно, что с 1 января 2025 года в России начнет действовать прогрессивная шкала по НДФЛ со ставками от 13 до 22%. Вместе с тем в контексте динамичного и справедливого общества такая донстройка налоговой системы представляется недостаточной. В условиях сохранения масштабной крайней бедности и малообеспеченности россиян на фоне высокой концентрации доходов и богатства в верхнем дециле населения представляется целесообразным распространить принцип прогрессивного налогообложения не только на доходы, но и на богатство для справедливого обращения капитала. Таким налоговым инструментом сложнее манипулировать, чем НДФЛ. Кроме того, повышенному налогообложению должно подлежать имущество (например, дорогое жилье, гостиницы, торговые сети), недоступное среднему классу.

Обозначенные налоговые инструменты (прогрессивные налоги на имущество и крупное состояние) могут стать источником финан-

сирования, например, специального Фонда капитальных вложений для молодых (допустим, в возрасте 25 лет), предназначенного для разных социальных нужд.

3. *Повышение минимального размера оплаты труда (МРОТ) как инструмента, изначально нацеленного на защиту занятых от чрезмерно низкой оплаты труда.* В Российской Федерации государственному регулированию МРОТ традиционно уделяется большое внимание (только за 2018–2022 гг. правительство повышало его 8 раз). Само повышение МРОТ в научной среде связывают с двумя основными эффектами: 1) оно выполняет роль «мягкого амортизатора» для поддержки уровня жизни низкооплачиваемых работников; 2) снижает дифференциацию заработных плат. В соответствии с действующей методикой определения границы бедности / ПМ в 2024 году МРОТ составляет 19242 рублей, что представляется недостаточным для заметного сокращения крайней бедности и малообеспеченности населения. По расчетам отдельных специалистов, Россия уже в настоящее время имеет возможность установить МРОТ на уровне 1,4–1,5 от границы бедности. Одновременно это свидетельствует о занижении в России официальной границы бедности и обуславливает необходимость корректировки методики ее определения.

4. *Расширение государственного и частного инвестирования в развитие человеческого потенциала, то есть в образование и здравоохранение, что повышает производительность труда и уровень дохода занятых (при условии активного развития в экономике сегмента высококвалифицированных рабочих мест).* В таком контексте недостаточность финансирования сферы образования ограничивает потенциал развития детей и молодежи, что впоследствии может не только негативно сказаться на уровне получаемых доходов, но и привести к консервации сформировавшейся структуры общества и «новой» бедности. В качестве основных мер для расширения доступа к высшему образованию, исходя из лучших мировых практик, можно назвать снижение стоимости обучения, а также привязанные к будущему доходу заемщика государственные образовательные (студенческие) кредиты, возможность конвертировать частный образовательный кредит в государственный.

5. *Трансформация традиционной (пассивной) социальной защиты в новую модель, ориентированную на развитие.* В контексте противодействия «новой» бедности, которая в нынешней России распространяется, помимо прочих, на семьи с детьми и не занятых в реальной экономике, но вовлеченных в «теневую экономику выживания», приоритетное значение приобретает расширение мер в рамках «семейной политики», а также практики заключения «социальных контрактов», благодаря которым можно открыть свое дело, развивать ЛПХ, пройти переобучение и др. Подобные меры позволяют повысить роль региональных программ борьбы с бедностью, в том числе адресных, с оценкой нуждаемости, по социальным контрактам.

Заключение

На основании выполненного исследования феномена «новой» бедности в России в 2000–2023 гг. были получены результаты, которые способствуют развитию научного знания в данной предметной области и имеют определенное социально-экономическое значение, в частности:

1) выдвижение и теоретическое обоснование идеи о «новом качестве» (природе) российской бедности в 2000–2023 гг.: из временного явления, связанного с жизненным циклом индивида (домохозяйства), она трансформируется в глубокую, постоянную, воспроизводимую социально-экономическую проблему, сопровождаемую недоиспользованием накопленного человеческого капитала и усилением риска падения экономической ценности образования, а значит, препятствующую обеспечению поступательного и устойчивого роста экономики; «новые» бедные в сегодняшней России — это прежде всего низкооплачиваемые занятые производительным трудом, с высоким формальным образованием; не занятые официально, но «включенные» в так называемую «теневую экономику выживания»;

2) конкретизация и теоретическое обоснование фундаментального условия (рентоориентирование); основных причин, детерминируемых крайним уровнем социально-экономического неравенства (сохраняющаяся поляризация общественного производства; растущая концентрация доходов и богатства в верхнем дециле населения, сопровождаемая «со-

путствующей» поляризацией; высокое региональное неравенство по уровню абсолютной монетарной бедности); сопутствующих этим причинам факторов (разрушение ключевого баланса в виде соответствия между отраслевой структурой экономического потенциала (основных фондов и трудовых ресурсов), валового дохода и инвестиций в основной капитал; износ основных фондов, низкая инновационно-инвестиционная активность; неспособность российской экономики генерировать достаточное количество высокотехнологичных и высокооплачиваемых рабочих мест; возрастающее значение наследства в формировании социального статуса и др.), которые в своей совокупности обуславливают воспроизводство «новой» бедности в России как крупной проблемы, требующей быстрее оздоровления общественных отношений, включая разработку и реализацию ряда основополагающих мер по преодолению этого феномена в субъектах страны;

3) определение и теоретическое обоснование ключевых качественных признаков, раскрывающих природу феномена российской «новой» бедности в 2000–2023 гг. как глубокой и постоянной социально-экономической проблемы: устойчивость институциональной ловушки «системы низких заработных плат»; социальная исключенность из использования ресурсов, разного рода благ и привилегий; распространение на занятых с высоким формальным (среднее и высшее профессио-

нальное) образованием, работающих в разных секторах экономики; нисходящая профессионально-квалификационная мобильность, обусловленная соотношением между спросом и предложением высококвалифицированного труда; растущая долговая нагрузка в расчете на каждого экономически активного россиянина; «включенность» в «теневую экономику выживания»;

4) предложенный минимально необходимый базовый инструментарий государственной политики по содействию преодолению российской бедности (с учетом ее «нового» качества): активная промышленная политика, прогрессивное и справедливое налогообложение, повышение МРОТ при соответствующей корректировке методики определения границы бедности / ПМ, расширение государственного и частного инвестирования в развитие человеческого потенциала.

Авторы данной статьи, бесспорно, вполне осознают, что круг затронутых в ней вопросов настолько сложен, дискуссионен либо ограничен предметной постановкой, что оставляет мало шансов на выработку окончательных ответов на них. В связи с этим предполагается продолжить исследования по данной проблематике, с тем чтобы более глубоко изучить ее и сформировать собственное мнение, например, об измерении и количественной оценке феномена «новой» бедности в России в меняющихся экономических и социальных условиях.

Литература

- Бобков Б.Н., Вершинина М.А. (2022). Труд и качество жизни населения России в контексте научной позиции Е.И. Капустина (к 100-летию со дня рождения ученого) // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 2. С. 175–191. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_175_191
- Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В., Сафронова А.М. (2021). Социально приемлемая потребительская корзина // Уровень жизни населения регионов России. Т. 15. № 2. С. 8–26. DOI: 10.19181/1999-9836-2019-10060
- Бобков В.Н., Одинцова Е.В. (2020). Низкий уровень и качество жизни экономически активного населения: критерии идентификации и оценка распространенности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 5. С. 168–181. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.10
- Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. (2022). Социальные последствия тридцати лет капиталистических реформ в России // Российский экономический журнал. № 1. С. 78–107. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-1-78-107
- Брейтуейт Д. (1998). Старые и новые бедные России // Бедность России. Государственная политика и реакция населения / под ред. Д. Кругман. Вашингтон: Всемирный банк. С. 33–74.
- Довготько Н.А., Скиперская Е.В., Рыбакова Ю.А. (2022). Бедность населения в современной России: оценка и пути сокращения // Экономические науки. № 8 (213). С. 36–40. DOI: 10.14451/1.213.36

- Ильин В.А. (2017). «Капитализм для своих» — источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 6. С. 9–23. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.1
- Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Бедность в стране — «угроза для стабильного развития и демографического будущего» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 1. С. 9–33. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.1
- Инновационное преобразование как императив устойчивого развития и экономической безопасности России (2013) / под ред. В.К. Сенчагова. Москва: Анкил. 688 с.
- Капелюшников Р.И. (2016). Экономические очерки: Методология, институты, человеческий капитал. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 574 с.
- Капустин Е.И. (2006). Уровень, качество и образ жизни населения России. Москва: Наука. 324 с.
- Клепач А.Н., Лукьяненко Р.Ф., Николаенко С.С. (2022). Преодоление бедности и обеспечение устойчивого роста среднего класса: критерии распределения и меры политики // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 6. С. 3–20.
- Кормишкин Е.Д., Иванова И.А., Моисеева И.В. (2023). К вопросу о бедности в России: факты, парадоксы, особенности и перспективы сокращения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 218–235. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.12
- Кормишкина Л.А., Ермакова Э.Р. (2021). К вопросу об измерении национальной линии бедности // Национальная безопасность / nota bene. № 3. С. 1–15. DOI: 10.7256/2454-0668.2021.3.35821
- Миланович Б. (2017). Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации / пер. с англ. Москва: Изд-во Института Гайдара. 336 с.
- Овчарова Л.Н. (2009). Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. Москва: М-Студио. 267 с.
- Овчарова Л.Н. [и др.] (2022). Социальная защита в России: развилки будущего // Вопросы экономики. № 6. С. 5–31. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-5-31
- Разумов А.А., Ягодкина М.А. (2007). Бедность в современной России. М.: Формула права. 336 с.
- Ржаницына Л.С. (2001). Бедность в России: причины, особенности, пути уменьшения // Экономист. № 4. С. 71–77.
- Селиванова О.В., Разумов А.А. (2023). Бедность работающего населения: анализ основных тенденций и опыт регионов по снижению ее уровня // Экономика труда. Т. 10. № 2. С. 279–296. DOI: 10.18334/et.10.2.117385
- Спенс М. (2013). Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях / пер. с англ. Москва: Изд-во Института Гайдара. 336 с.
- Стиглиц Дж.Ю. (2015). Цена неравенства. Чем рассмотрение общества грозит нашему будущему / пер. с англ. Москва: Эксмо. 512 с.
- Стиглиц Дж.Ю. (2016). Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? / пер. с англ. Москва: Эксмо. 480 с.
- Стиглиц Дж.Ю. (2021). Люди, власть и прибыль: Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства / пер. с англ. Москва: Альпина Паблишер. 430 с.
- Тихонова Н. (2018). Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 1–2 (126). С. 17–29. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=6323> (дата обращения: 28.06.2024).
- Тихонова Н.Е. (2003). Феномен городской бедности в современной России. Москва: Летний сад. 408 с.
- Фишман Л.Г., Мартыянов В.С., Давыдов Д.А. (2019). Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. Москва: Изд-во Высшей школы экономики. 416 с.
- Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. (2009). Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. Москва: М-Студио. 192 с.
- Ярошенко С.С. (2010). «Новая бедность» в России после социализма // Laboratorium. № 2. С. 221–251.
- Armstrong S. (2017). *The New Poverty*. Verso.
- Athkinson A.B., Micklewright J. (1992). *Economic Transformation in Eastern Europe and the Distribution of Income*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Banerjee A.V., Duflo E. (2012). *Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty*. New York: Public affairs.
- Banerjee A.V., Duflo E. (2019). *Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems*. New York: Public affairs.
- Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Koloskov D.A. (2020). Socio-economic analysis of disproportions and disbalances of the raw material export model in post-Soviet Russia. *International Journal of Criminology and Sociology*, 9, 633–645. DOI: 10.6000/1929-4409.2020.09.61
- Krugman P. (2014). Why we're in a New Gilded Age. *The New York Review*. Available at <https://www.nybooks.com/articles/2014/05/08/thomas-piketty-new-gilded-age/>.
- Mullainathan S., Shafir E. (2011). *The Packing Problem: Time, Money, and the Science of Scarcity*. Available at: <http://westallen.typepad.com/idealawg/2011/07/are-you-money-poor.html>
- Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2017). *From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016*. National Bureau of Economic Research. Cambridge, MA.
- Piketty T. (2014). *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press. DOI: 10.1017/S0047279415000616
- Piketty T. (2020). *Capital and Ideology*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Sen A.K. (1982). *Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation*. New York: Oxford University Press.
- Sen A.K. (1987). *Commodities and Capabilities*. Amsterdam: Elsevier Science Publisher.
- Townsend P. (1979). *Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living*. Berkeley: University of California Press.

Сведения об авторах

Евгений Данилович Кормишкин – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Российская Федерация, 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68; e-mail: kormishkined@mail.ru)

Ирина Владимировна Моисеева – старший преподаватель, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Российская Федерация, 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68; e-mail: moira-22@mail.ru)

Kormishkin E.D., Moiseeva I.V.

On the Issue of “New” Poverty in Russia in 2000–2023

Abstract. The research topic is relevant because the phenomenon of “new” poverty has been recognized as Russia’s deep and lingering problem of the 21st century, which is accompanied by underutilization of accumulated human capital and an increased risk of a decline in the economic value of education, which hinders progressive and sustainable economic growth. The aim of the work is to concretize key qualitative features of “new” poverty and substantiate the reproduction of this phenomenon in Russia in 2000–2023, which is driven by rent-oriented behavior of the state and extreme socio-economic inequality. The methodology of the study is based on a systems approach, analysis using linear and separation methods in relation to identification, and analysis of causes, concomitant factors and consequences; we also use hierarchical classification of variables for clustering Russia’s constituent entities taking into account the spread of the phenomenon of absolute monetary poverty. We identify a fundamental condition, main causes determined by extreme socio-economic inequality, and their accompanying factors, which together explain the reproduction of “new” poverty in Russia as a major problem requiring solution at the political level. We consider key qualitative signs of “new” poverty in Russia, revealing its nature in the conditions of rent-oriented behavior of the state. They include social exclusion from the use of resources, various benefits and privileges; coverage of employees with secondary and higher professional education working in different economic sectors, downward professional and qualification mobility; expansion of

the “shadow economy of survival”, etc. We conduct the clustering of Russia’s constituent entities, taking into account the spread of absolute monetary poverty in 2023. We propose some basic and fundamental measures aimed at overcoming poverty (taking into account its “new” quality) and raising Russians’ incomes.

Key words: “new” poverty, poverty line, median per capita income, rent orientation, social inequality, downward professional mobility, the “working poor” paradox, poverty alleviation policy.

Information about the Authors

Evgenii D. Kormishkin – Doctor of Sciences (Economics), Professor, professor of department, Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; e-mail: kormishkined@mail.ru)

Irina V. Moiseeva – senior lecturer, Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; e-mail: moira-22@mail.ru)

Статья поступила 23.07.2024.